

ПЛАМЯ

...И ПРИВКУС ГОРЕЧИ

Каждый раз, когда речь заходит о прошедшей великой войне (имею в виду Великую Отечественную), испытываю горечь и досаду. Нет, не столько за погибших. Они честно выполнили свой долг, остались верны Присяге, Родине. Ощущения вызваны осознанием того, что жертв могло быть гораздо меньше и трагедий тоже. 27 миллионов (по последним данным) советских людей остались лежать на полях брани, погибли от непосильного труда и голода в фашистской неволе, были расстреляны на оккупированной территории.

СССР был одной из немногих стран мира, объявившей своих граждан-военнопленных предателями, не признавшей Международный Красный Крест и не делавшей отчислений на его счет. Тысячи военнопленных, вернувшись на Родину, вместо понимания и поддержки, оказались в застенках, теперь уже нашего ГУЛАГа. Идеология взяла верх над здравым смыслом. Разве подобному может быть оправдание? Никогда.

Говорят, история не терпит сослагательного наклонения. Прошлое уже не изменишь. Спорить не буду. И все же две трети всех погибших во второй мировой войне — для одной страны — слишком дорогая плата.

46 лет прошло, как окончилась та проклятая война, лишившая жен мужей, детей — отцов. Позади осталась сталинщина и хрущевская оттепель, брежневский застой и шесть лет, именуемых перестройкой. Все меньше ходит по земле тех, кто воевал, гнил в окопах, кормил вшей, терял здоровье, освобождал города и села, тех, кто просто выполнял свой долг во имя единственной цели, чтобы будущие поколения жили в процветающем обществе, не знали, что такое нищета и страх. Например, в Позарихинском сельском Совете осталось 42 ветерана войны, в Покровском — 92. Это чуть больше двух-трех процентов от всего населения сел и деревень, расположенных на их территории. И число это продолжает неуклонно сокращаться.

Годы идут. Люди стареют и умирают. Когда видишь

вчераших фронтовиков, на груди которых блестят и позванивают медали и орден, наряду с гордостью пронизывает и боль. Тяжело сейчас ветеранам. Особенно тем, кто ковал победу не на передовой, а в глубоком тылу, кто не досыпал и недоделал, помогая приблизить заветный день 9 Мая своим трудом, кто награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Если бывшим воинам добавили пенсию, включив годы участия в боевых действиях в общий трудовой стаж, если их хотя бы отоваривают продуктами питания, то совсем иная картина с ветеранами труда. Кроме талона на бесплатный проезд в транспорте никаких льгот у них нет. У многих единственные источники существования — минимальная пенсия да собственный огород. Но они не киснут и даже не жалуется. Лишь иногда, скупая слеза покатится из глаз, и несколько слов произнесут их губы — а чем вклад в победу над врагом в тылу меньше, нежели на фронте, ведь каждый выполнял свой долг! Возразить на упрек этих пожилых, рано состарившихся от тяжелой и непосильной работы женщины, нечего. Он справедлив. Но увы, в нашем государстве для такой категории населения никаких особых прав законом не предусмотрено. О ней 46 лет просто забывали. Как, впрочем, и о вдовах. Лишь последнее пятилетие женщины, потерявших мужей на фронте, стали приглашать на встречи, предоставили возможность отовариться. Народная мудрость гласит: «Хорошо яичко ко Христову дню». Но у нас больше предпочитают другую: «Лучше поздно, чем никогда».

О социальной справедливости в нашей стране говорили десятилетиями, но ее так и не обеспечили. Лишь маленькими островками на фоне огромных денежных вкладов в производство, постановлений ВС СССР, РСФСР, Совмина, выходящих решения, принятые высшими и местными органами власти, направленные на заботу о ветеранах войны и особенно работников тыла.

Е. ДМИТРИЕВА.

Мы застали Андрея Степановича за огородными делами — сажал помидоры. Бодрый, энергичный, мужчина, даже не верится, что ему — семь десятков, что вместо правой ноги у Андрея Степановича Болтинских — протез.

Это было 28 августа 1942 года под Ржевом. Помнит Андрей Степанович, как 27 августа наши войска пошли в наступление, прошли первую линию, вторую, взяли штаб, а на рассвете 28-го двинулись на них танки и пьяная пехота противника. Вот тогда-то и прилетел снаряд, который оторвал А. С. Болтинских правую ногу и ранил левую. После долгих скитаний по госпиталям Андрея Степановича комиссовали.

Вернулся в родную деревню Черемисскую. Пошел работать помощником бухгалтера. А в 45-ом вступил в партию. Коммунистом был убежденным, в лучшее будущее верил искренне. В это же время его назначили заведующим сельским клубом и избы-читальни. Среди селян Андрей Степанович пользовался уважением, в него верили, поэтому в 1954 году избрали председателем Черемисского сельского Совета. А когда их сельсовет объединили с Барабановским, он стал секретарем новообразованного Совета, а позднее его председателем. Так и проработал здесь до выхода на пенсию. Кроме того, был бессменным секретарем цеховой парторганизации совхоза. Вот такой жизненный путь.

Впрочем, итоги подводить рано. Ведь сил и энергии у Андрея Степановича хватит еще надолго.

Фото И. Чадова.

«Этот день мы приближали как могли...»

Нужно было выстоять

С Иосифом Лазаревичем мы встретились у него дома. В Колчедане И. Л. Марков живет с 1955 года. Работал в школе механизации, а с 1957 — на заводе ЖБК. Сейчас он на заслуженном отдыхе.

Иосиф Лазаревич говорит не спеша, как бы взвешивая каждое слово: «Родился в Тугульском районе Свердловской области. Оттуда и на фронт призвали...»

Своей боевой путь он начал на Ленинградском фронте в 30 гвардейском корпусе автоматчиков. У ветерана хорошая память: детали боев, имена однополчан, команди-

ров, названия населенных пунктов — ничего не забыто. Много фронтовых дорог прошагал Иосиф Лазаревич. Довелось воевать на Ленинградском, Карельском и Прибалтийском фронтах. Чего только не повидал на этом долгом пути... Лилась кровь, гибли товарищи, но живые упрямо шли вперед, изгоняя врага с родной земли. Сколь-

ко пришлось совершать рискованных вылазок под ураганным огнем противника, часто по непролазной грязи, по болотам. Потерял немало верных товарищей, сам был несколько раз ранен, но выдюжил, постиг окопную науку, без которой солдату на войне не обойтись.

— Особенно часто вспоминается один случай. Тогда погибло много моих однополчан, но с поставленной задачей мы справились, — рассказывает ветеран. — Это было в Прибалтике. Наш полк

успешно форсировал реку и захватил плацдарм на другом берегу. Гитлеровцы, опомнившись, начали контрнаступление. Но батальоны держались крепко, отбивая одну атаку за другой.

Нашей роте была поставлена задача: вечером захватить высоту, с которой немцы вели прицельный огонь по нашей переправе. «Давай», — сказал командир. И мы двинулись вперед.

Всю ночь немецкие дзоты вели непрерывный обстрел. От врагов нас отделяли каких-нибудь 60-70 метров. На рассвете пальба поутихла. Командир роты решил не привлекать внимания против-

ника и передал команду: снять шинели, рюкзаки оставить в окопах и внезапным броском ворваться в траншеи врага. Замысел удался. Гитлеровцы в панике бежали.

Так мы овладели высотой. И с небольшими потерями — всего один раненый.

Но главное было — удерживать ее. Фашисты обрушили на нас шквал огня. И эти страшные часы показались нам вечностью. А к концу дня поступил приказ — оставить высоту.

Мы потеряли пятнадцать своих товарищей, почти все были ранены. Но задачу выполнили. Пока гитлеровцы пытались отбить высоту,

наши части прорвали оборону противника и стремительно двинулись вперед, развивая наступление...

О том, как воевал солдат, говорят его награды. Орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и ряд юбилейных.

После окончания войны Иосиф Лазаревич служил на Чукотке командиром минометного взвода. Домой вернулся только в 1950 году.

В. ГОРЛАНОВ.
наш вештатный корреспондент.
с. Колчедан.

Особо знакомиться с Александрой Петровной Терентьевой мне не потребовалось, когда решила «сделать» ее героиней своей публикации, приуроченной к праздничной дате: 9 Мая. Хоть и не съели мы с ней вместе «пуд соли», как говорится, но все-таки давно знаем друг-друга. И живем в селе Покровском почти одинаковое количество лет, и работаем долго рядом. Поэтому думалось так: встретимся, уточню кое-что — и готово. Но вышло немножко иначе, разговор получился доволь-

но длинным, с частыми отступлениями от намеченной темы: мы то и дело «ударялись» в воспоминания о совместной работе... Правда, сначала Александра Петровна решительно «востала» — никогда, мол, героиней не была. Участница Великой Отечественной войны — это верно. Но когда уж это было! И зачем, мол, вспоминать, зачем лишний раз волноваться. И кому, мол, это надо. Но — слово за слово и разговорился. Удалось мне, кажется, задеть за ту струнку ее души, которая таится у каждого внутри до поры до времени. А уж затронуешь — человеку просто необходимо выговориться:

— Попадала я в прожекторные части, связистом. Поучили нас всего один месяц и повезли... в Москву. Целый эшелон девчонок из Свердловской области! Немцев к тому времени уже отогнали от столицы, но налеты, бомбежки продолжались. И мы, девчата, видимо, заменили солдат-мужчин, которые пошли дальше — в наступление. Жили мы в землянках. Наша «точка», например, была расположена на окраине Сокольников. В чем заключалась служба? Ну, если сказать в общем: мы охраняли небо Москвы. А если конкретнее, что касалось меня как связиста, то надо было обеспечивать связь между точками. Ладно, если в дневное время устраивался обрыв. Но бомбили-то, преимущественно ночью. И, бывало, не один обрыв. А два-три. Ночью, правда, выходили на линию по двое. Да разве все расскажешь! Вот есть такой кинофильм: «А зори здесь тихие» — ну просто, как про нас. Бегали и мы умываться в болоте, постирать там свой солдатский «гардероб». Слушаешь, бывало, как лягушки квакают и на душе такое волнение: дом вспоминается... И даже эпизод киношный с немецким десантом у нас тоже был. Закончился он, правда, не так трагически, как в фильме. Никто из наших не погиб. Но ведь когда подняли нас по тревоге и объявили, что выброшен немецкий десант, мы не знали, чем это кончится. Молодые были, глупые. Подумали даже сначала, что разыграл нас сержант! Но война — это не игра...

После затянувшейся несколько паузы спрашиваю: «Всегда ли получалось так, как было положено по службе?» — Ну, бывало, что и ошибались. Мы ведь должны были распознавать все марки самолетов: как по силуэту, так и по звуку. А попробуй-ка определить, когда он летит ночью на большой высоте! Теперь смешно вспомнить, но было и так: одна докладывает, что «ИЛ» летит, а другая — что «МИГ». По-

хожи они. Но уж наши-то самолеты с немецкими не путали: звук совершенно разный. У наших — высокий, пронзительный: и-и-и... У немецких же тяжелый, раздражительный: у-у-у... И летали-то они не по одному, а эшелонами. И, как уже говорила, преимущественно ночью. Так что спать не очень удавалось... Смотрю на Александру Петровну и удивляюсь: как может быстро меняться человек. В начале нашего разговора она выглядела уставшей, озабоченной «текущими» делами (навоз надо привез-

ти на огород, с трактористом договориться...). А вспомнишь молодые — да какие! — на, — говорит, волнуясь, бываешь и сбросила будто разом с десяток лет. На лице румянец, в серых глазах блеск — то от улыбки, то от непрошенной слезинки... День Победы встретила Александра Петровна в Польше, в городе Кракове. Отсюда и вернулась домой, в районный поселок Гари, где родилась и выросла. Поскольку мама ее — Варвара Егоровна — много лет проработала в ветлечебнице, то и стала искать другого места. А вскоре появился там молодой ветеринарный врач, тоже фронтник — Борис Дмитрияевич Терентьев. Как оказалось — ее судьба...

— Прожили мы вместе двенадцать лет, трое детей родилось, — продолжает рассказ Александра Петровна, и решила сменить место жительства. У самого Бориса здоровье было слабое: он ведь по ранению демобилировался — инвалид второй группы. Да и ребятам климат не очень подходящий — тайга, болота. В Покровку приехали в 1962 году. Стала работать швеей в райбыткомбинате. Потом послали в Свердловск учиться — на закройщика верхней одежды. И, отработав закройщиком десять лет, ушла, как говорится, на заслуженный отдых... Да ты же сама об этом знаешь!

Действительно, знаю. Работала Александра Петровна хорошо, получала многочисленные благодарности, почетные грамоты. Награждена и медалью «За доблестный труд». У нее теперь взрослые сыновья (у них давно свои семьи): Владимир работает хирургом в Каменске-Уральском, а Виктор на студии телевидения в Свердловске. Дочь Вера закончила педагогический институт. Да и племянницу Наташу (дочь умершей сестры) Александра Петровна считает своей дочерью: воспитала ее, помогла получить высшее образование. Теперь Наташа работает учителем младших классов в г. Асбесте.

— Приглашали меня не раз на встречу ветеранов в Москву, — продолжает «военную тему» Александра Петровна, — и охота, конечно, было съездить. Но чего греха таить — денег-то никогда лишних не имелось (да и сейчас никаких сбережений нет). А ребят учить, одеть, обушить надо было... На пенсию вышла — тоже сильно не разбежись. Правда, вот уже два месяца, как нам, участникам войны, пенсию добавили. И сразу заметно, полегче стало с деньгами. Но годы, годы... Так никого из однополчан и не встречала. Только иногда вижу по телевидению Елену Андреевну Фучкину — наш бывший

комсорт роты, ирбитчанка. Она от областного совета ветеранов выступает. Даже одно время связь с ней поддерживали. Но — у каждого свои проблемы, заботы... Да, годы идут. Но война не забывается. Вот и у Александры Петровны она отняла не только лучшие годы молодости, не только поубавила ей здоровья, но и осиротела: ее отец — Петр Прокопьевич Рычков сложил свою голову под Старой Руссой. Только и было от него одно единственное письмо, что прислал он с фронта семье.

— Желаю, чтобы никогда больше не повторилась война, — говорит, волнуясь, бываешь фронтничка. — Ведь у меня подрастают внуки, старшему скоро исполнится восемьдесят лет. Значит, служить скоро ему в армии, как только технику закончит. А еще желаю, чтобы в армии не было «дедовщины». Это сюда и вернулась домой, в районный поселок Гари, где родилась и выросла. Поскольку мама ее — Варвара Егоровна — много лет проработала в ветлечебнице, то и стала искать другого места. А вскоре появился там молодой ветеринарный врач, тоже фронтник — Борис Дмитриевич Терентьев. Как оказалось — ее судьба...

Рассказывая об этой женщине, моей односельчанке, очень и очень надеюсь, что и многие другие участницы войны увидят в этом рассказе частичку своей судьбы. Пусть будет для них приветом, теплым поздравлением к забываемой дате — 9 Мая.

Е. КУЗЕВАНОВА.

Сейчас много говорится о милосердии, добром отношении к ветеранам. Безусловно, все это правильно, но и память павших забывать не стоит. Этот снимок был сделан в прошлом году, когда в с. Пирогово открылась церковь. Нужно дело, вот только я за памятником, заросшим бурьяном, надо иногда присматривать.

Фото И. Чадова.

Иначе бы фронт не победил

Он мечтал о небе. Сделал 62 полета в аэроклубе города Челябинска. Но судьба повернулась к нему другой стороной. Горком комсомола направил Николая Глазунова на работу в органы НКВД. И с 1936 по 1947 год трудился он в этом учреждении. В период Великой Отечественной войны руководство дважды возвращало с железнодорожного вокзала своего сотрудника, рвавшегося на фронт. В тылу тоже нужны были серьезные, трудолюбивые люди. Без надежного фронта бы не победил...

Большая жизнь за плечами Николая Васильевича. Последние двадцать пять лет работал он на Уральском алюминиевом заводе, неоднократно избирался депутатом районного Совета. О трудолюбии его говорят многочисленные грамоты и записи в трудовой книжке, а также медаль «За доблестный труд в годы войны». Двадцать лет прожил Николай Васильевич в нашем поселке Новый Быт. Одинадцать лет назад умерла у него жена. Дочь и сын живут со своими семьями в дру-

гих городах. Одинок совсем ветеран. А так хочется, чтобы в День Победы советского народа над фашистской Германией ни один из ветеранов войны или труда не был обойден вниманием. Низкий поклон фронтовикам за освобождение Родины от врага. Примите нашу искреннюю благодарность и все те, кто трудился в тылу, приближая Победу. Без вас не было бы сегодняшнего дня.

М. ЗАГРЕБИНА.
п. Новый Быт.

Тем дорожке памяти

Чествовать ветеранов Великой Отечественной войны на государственном малом предприятии «Ремонтный завод Синарский» — давняя традиция. Двое из шести фронтников еще в строю. Вадим Михайлович Брюховецкий трудится художником-оформителем. Бывший десантник Петр Николаевич Мичкаев работает сторожем. Остальные — Михаил Степанович Чemezov, Василий Михайлович Пономарев, Андрей Иванович Попов и Иван Петрович Кислов — на заслуженном отдыхе. Восьмого мая коллектив завода пригласил своих ветеранов на маленькое торжество, чтобы вручить денежные премии, цветы и поздравить бывших воинов с праздником Победы. Этого дня ждут, ибо чем дальше от нас грохот кононад, чем меньше остается в строю участников той великой войны, тем острее воспринимается прошлое, тем дороже память о нем.

Е. ШЕРЕМЕТ.

Игра со смертью

Хранителем истории села, ее жителей является в Полярке школьный музей. Поэтом нужно было преодолеть то поле, с полями и трудовой славы. Знаю, и успевать вовремя откапывать с его материалами, титить. Атака та цели не дожно узнать массу информации в реснейших подробностях о живых остался шестеро. Как бывших фронтовиках, ветеранах — страшно, когда твои тонах труда. Предмет гордости вариши, с которыми несколько музея — вещи, подаренные ко минут назад разговари- А. И. Балдиным — подсумок для патронов и гранат, с которыми Аполлон Ильич прошел всю войну, а также пуля, застрявшая в пряжке его ремня во время первого боя. Кто же такой А. И. Балдин?

Родился он в д. Ключики Каменского района в 1915 году. Как и многие из сверстников два года учился на курсах ликбеза. Работал в колхозе трактористом, потом кузнецом. В 1937 году призвали в армию. Когда в ноябре 1939 года началась «зимняя война», (так называли войну СССР с Финляндией) часть, в которой служил красноармеец Балдин, перебросили на фронт. Пришлось артиллеристу-зенитчику вкусить все прелести боевой жизни: и пушку возить вместе с боеприпасами, и раненых собирать на поле брани. Особенно запомнились Аполлону Ильичу бои при штурме «Линии Маннергейма». 17 дней непрерывных атак. Закончились они взятием неприступного рубежа. Много там полегло красноармейцев, командиров. Финские «кукушки» — снайперы били без промаха. А. И. Балдин, рассказывая о той войне, не преминул сообщить об эпизоде с 13-летним подростком, снятым красноармейцами с дерева. Предварительно пришлось разминировать пространство вокруг него. Мальчишка методично расстреливал «наших», потому что его отцу командование взамен пообещало дать леса на строительство дома. Вот он и старался.

После финской пришлось А. И. Балдину участвовать в воссоединении Западной Украины и Белоруссии с СССР. Вернулся домой и устроился на работу в электролизный цех УАЗа. Прошло немного времени и грянула Великая Отечественная. 200 человек-узловцев, и Аполлон Ильич в том числе, ушли добровольцами на фронт. Бои шли тяжелые. Часть, в которой воевал А. И. Балдин, бросили под Ржев. Гиблое место. Помнит солдат, как первый раз пошел в атаку, имея в руках трехлинейку, 200 патронов к ней да несколько штук гранат. Бой был особенным. Поле лежало перед «нашими» ровное-ровное. Все как на ладони. А надо было добраться до немецких траншей, выбить оттуда «фрицев». Шла страшная игра со смертью. Каждый участок немцы успели хорошо при-

Охранивший заключенных фашистский конвой исчез. Пришли американцы. Всех пленных они переправили в портовый город Марсель, что на юге Франции. Поместили в тюрьму и продержали там 11 месяцев. Затем была Италия, где с пленными встретился советский консул. Вскоре пароход с изможденными пассажирами на борту взял курс на Одессу. Аполлон Ильич и часть его товарищей отправили на фронт, но туда они доехать не успели. Война закончилась. И вернулся солдат в родной колхоз, где и проработал до самой пенсии.

О прошедших годах вспоминают ветерану болящие раны. А юбилейные медали и орден Отечественной войны II степени — награды солдату за ратные подвиги. И хотя годы уже преклонные, но держится старый воин, не падает духом. Один из сорока двух оставшихся в живых солдат Великой Отечественной войны в нашем селе.

З. ГАГАРИНОВА.
с. Полярка.

□ СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

СЛОЖНАЯ судьба у Анны Анатольевны Калининской. Молодые годы — самый цвет — 20-25 лет — выпали на войну. Только замуж вышла... Ей бы любить да хозяйством обжиться, но налетела она — вторая мировая и отняла счастье. Забрали на фронт мужа, а дальше... — Что тут рассказывать? — вздыхает Анна Анатольевна. — Что и у всех — косили литовками, хлеб серпами жали, на коровах борошили, с голоду пухли. Было то, что сейчас на кадрах документальной кинохроники, да в памяти тех простых и честных людей, на плечах которых перенесены все военные тяготы сельского тыла.

Мужество женской души

Анне Анатольевне помогала стойкость, по крови переданная ей матерью, которая одна, оставленная мужем, подняла пятерых детей. Стойкость, которую Анна хранила в своей памяти, а видеть уже не могла — мать перед войной репрессировали. За что — никто ее детям не сообщил. — За веру свою пострада-

ла, — предполагает Анна Анатольевна, — молилась, с монашками встречалась, беседовала. Больше за что? Не было ведь у нас ничего — отец ушел, последнюю корову забрал...

Знала ли тогда, в военную пору, Анна, что ее жизнь будет схожа с материнской? Муж от нее уйдет в иной мир. А на руках останутся четверо ребятшек — от года до тринадцати, которым «щедрое» государство назначит пенсию — 17 рублей.

Да Анна Анатольевна зарабатывала 45-50. Тяжело было, но она сказала себе: «Выстою. И буду жить не хуже других. И дети мои будут не хуже, чем у людей». И работала, рук не покладая. Корову держала, огород. «Вырастут огурчики, морковка, помидоры, соберу, да и отнесу в город на базар, продам, — вспоминает она. — Вот и живем...». Рыбниковцы смотрели на семью Калининских с уважением, иные удивлялись, другие даже завидовали, что живут

были «грамотеями». Старшая поступила в сельхозтехникум. Направление совхоз дал, а вот стипендию, извините, говорят, сами как-нибудь... Получит Анна Анатольевна 17 рублей пенсии — вышлет дочери. А сама... Экономит и сводит-таки концы с концами. Сыновья выучились на трактористов, младшая дочь закончила 11 классов и сейчас работает воспитателем в детском саду. Когда Анна Анатольевна рассказывала о своих детях, то светилась от гордости. Гордиться есть чем — все они у нее работающие, не пьющие, у всех семьи, дети, и о матери не забывают, помогают ей по хозяйству.

Анне Анатольевне хоть и восьмой десяток пошел, а все корову держит и на огороде копается. «Пока не слягу, — говорит, — коровой не поущусь. Придут внуки, парным молочком их угощу. Тяжело? Да, порой бывает утром лежишь и чувствуешь, не встал бы — ноги и руки как плети. А потом подумаешь: нет, надо, хозяйство-то ждет. Прочтешь молитву и сил прибавится».

Анну Анатольевну всегда поддерживала в жизни ее вера. Рассказывает, что в самые трудные минуты жизни она представляла мученичество Христа, и «когда он перетерпел, то и я перенесу». И переносила.

Что и говорить, мужественная душа у Анны Анатольевны. И вместе с тем это женская душа. Висят в комнатке на стене кнопками приколотые рисунки ее внучат, которых у нее целый десяток, и уже один правнук имеется. Все они любят бабушку Аню, и милая женщина, мать большого семейства, всегда поджидает их в гости.

И. САКУТИНА.
Фото И. Чадова.

□ ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ

ТЕТРАДИ

Галина СИМОНОВА

Неврученная награда

Награда ищет ветерана...
А он тогда, после войны
В село родное возвратился —
Живет, но старым стал, больным.
И раны тех военных бед —
Их даже время не залечит...
Не зря ж наградою отмечен.
Наш ветеран, живи сто лет!
Жизнь без войны — твоя отрада.
Найдет тебя твоя награда!..

Валентина ЛИПКИНА

Постучали в окно в сорок первом году —
Самый старший мой брат ушел на войну.
Постучали в окно — год шел сорок второй —
Брат ушел на войну от рождения второй.
В сорок третьем году присылают гонца —
не хватает отца.
Неужели когда-нибудь вновь постучат
И разбудят двоих моих славных внучат...

Деревня наша не была в плену
Мы не в окопах — в отчих избах стлы.
Зимою лютою в лесу дрова рубили,
Да хлеб для фронта сеяли, растили.
А что еще я знаю про войну?

В нас не стрелял немецкий пулемет
И были мы не на переднем крае.
Мы только хлеб серпами жали,
Да писем от отцов и братьев ждали...
Не знаю почему во мне война живет.

Юрий ТОМИЛОВ

Другу золотому

Говорю растерянно,
Знаю, слово — жало:
«Сильный был, уверенный,
Так что с тобою стало,
Кудри золотые,
Словно завитые,
Помню,
А теперь не те волосы — седые.
Говорю, встречали зло,
Неудачи были,
Но порой и нам везло,
Ведь и нас любили.
Сердце золотое, верилось в святое,
Неужель изверилось —
Ничего не стоит?»
Гордый друг, как в молодость,
Мне ответил смело:
«В детстве звали золотко —
Ржавчина изъела.
Золотко да золотко,
Зелено да молодое!
Эх, молодо да зелено,
Все теперь растеряно.»

Беспросветная ночь...
Донятув до седины —
Книгу жизни своей запоздало листаю,
Я неправедно прожил, остался один,
Даже птицы слетаются осенью в стаю.
Понимаю теперь отлетающих птиц,
Не клянчу перелетных людей — пилигримов.
Нет в нас веры и меры и нет нам границ,
Мы страну предаем и друзей, и любимых.
Мы страну продаем, за гроши — не шадя,
Продаем наши души и не сожалеем,
В битвах винных и сахарных, в очередях
Спнем, злоствуя, а от бессилья звереем.
Беспросветная ночь — что нас ждет впереди,
Перестройки иль войны опять назревают,
Каждый с горечью думает — что ж я один,
Если трудно, и птицы сбиваются в стаю.

Пшло химическое оружие,
появились атомные установки
с небрежно используемыми
детальями радиационного
характера. Особо бедственное
положение создавалось
в период маневров, учений,
когда в движение приходи-
ли армии, танки, орудия, воз-
дух разрезали реактивные са-
молеты. Это наводило ужас
на жителей соцстран.

А партийные их секретари
на встречах в Москве награ-
ждались советскими Золоты-
ми Звездами героев, орде-
нами Ленина, оделялись по-
честиями, Чаушеску, Густав
Гусак, Хоннекер и другие про-
возглашались героями.

В это время наши генера-
лы, увешанные бесконечны-
ми наградами (неизвестно за
какие заслуги и кем вручен-
ные ордена), господами раз-
езжали на черных «Волгах».

И если когда случался про-
тест, как в Чехословакии, со
стороны народа, то в усмире-
ние вступали танки, солда-
ты и жестоко расправлялись
вплоть до кровопролития. Со-
вершенно не случайно за эту
жестокость наших солдат
называли оккупантами, на-
зывали наш режим комму-
нистическим фашизмом, вы-
ходя с протестом и возгла-
сом: «Русские, убирайтесь
вон!». От слепой ненависти
обрушились на монументы
В. И. Ленина. Так
случилось во всех социали-
стических странах. Все это
привело к распаду Варшав-
ского содружества.

Как же, почему все это про-
изошло?

И. ГОЛИКОВ,
ветеран войны и труда.
с. Колчедан.

□ ЗАМЕТКИ ВЕТЕРАНА

Как же это произошло?

ОСВОБОДИТЕЛИ

Я участник войны. Мы сражались насмерть против страшного нашествия фашистской чумы. Не жалея жизни, защищали Родину, семьи наши, землю нашу. Сражались за наше будущее, чтоб никто не поставил на колени детей наших, не сделал рабами внуков наших. Это придавало нам силы выдерживать все ужасы и трудности страшной войны. Гибли одни — на их место вставали другие. Примерзая в окопах Ленинградского фронта, полуголодные, полуодетые, поддерживая друг друга верой в победу, спасли город революции, город Ленина. Мы боролись за Родину, защита ее для нас была дороже жизни.

После Ленинграда, освободив Новгород и Псков, мы вступили в Прибалтику. Командовал фронтом Георгий Константинович Жуков — герой войны и друг простого солдата. Вместе с литовцами, латышами и эстонцами, прикрывая друг друга грудью, освобождали Латвию, Литву и Эстонию. А если погибали, то живые хоронили их в одну братскую могилу, отдавая последний салют, роняя общую слезу над могилами павших. Мы были братья, были родными людьми. Даже не зная языка друг друга, мы понимали друг друга сердцем.

Когда полностью освободили Прибалтику и вступили в Германию, получив за это благодарности Главно-

командующего маршала Сталина (29 января 1945 года № 265), в том числе и я лично, мы ликовали как герои-освободители. Радостное население встречало нас как родных, нас обнимали, целовали наши руки, оставляя на них слезы радости, а перед маршалом Жуковым становились, как перед святым, на колени и крестили своим перстом, прося Бога охранить его от бед и несчастий.

Освобождая пленных всех национальностей из фашистских лагерей смерти, мы клялись уничтожить фашизм, и эта клятва была святой, неумолимой, она клокотала до спазм, перехватывающих дыхание, ибо невыносимо было видеть зверства фашизма — у рва под Псковом бесчестные трупы и женщины, и стариков, и детей, концлагерь под Ригой, существа, похожие на людей, скелеты, обтянутые кожей, скелеты, просящие, только глазами, жизнь. Разве можно после увиденного не поклясться самому себе, перед своей душой, перед своим сердцем — уничтожить фашизм. Эту клятву летчики на кораблях, танкисты на броню, артиллеристы на лафетах орудий, а в снарядах писали: «Смерть фашизму!», «На Берлин!».

В развалинах этого огромного города пробирались к рейхстагу, к имперской канцелярии — логову фашизма, пробивая себе дорогу штыком, прикладом, гранатой, огнем артиллерии и авиации, мы водрузили над рейхстагом наш советский, с сер-

пом и молотом, флаг.

И никто не тронул, не оскорбил, не унижал немецкого человека, напротив: Руденко, командант Берлина, дал команду накормить местных жителей. Мы ходили по подвалам, вытаскивали из них берлинских жителей, испуганных, дрожащих, плачущих, и направляли их к кухне, где повар, не зная, на что положить, — на картонку, фанерку или просто в шапку, — накладывал им густую кашу, оделяя куском хлеба. Вот откуда в Стрелтов-парке стоит бронзовый наш солдат, держа на руках немецкого ребенка, а сапогом и мечом попирая свастику фашизма. Скульптор Вучетич был прав.

А что же случилось потом?

«ОККУПАНТЫ»

После окончания войны с целью сохранения мира, тем более когда после Рузвельта стал президентом Трумэн, когда в Нагасаки и Хиросиме взорвались атомные бомбы, присутствие наших войск в странах содружества было необходимо. После того, как страны Запада организовали так называемое НАТО, социалистическое содружество под руководством СССР создало «Варшавский договор». Началась гонка вооружений. Тяжелым бременем легла она на народы социалистических стран, вызывая всеобщий протест. Наши танки гусеницами топтали землю, коржили асфальт дорог, отравляли пашню мазутом, делая ее непригодной.

